

ИЗВѢСТІЯ

ПО

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемыхъ при журналѣ „Отдыхъ Христіанина“

(С.-Петербургъ, Обводный каналъ, д. № 116).

№ 24.

25-го декабря.

1906 г.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Утверждены: 6 декабря—Владиміръ **Зиминъ**, Стефанъ **Фирсовъ**, Иванъ **Зиновьевъ**—попечителями Спб. Срѣтенской единовѣрческой, на Волковомъ кладбищѣ, церкви; въ должности законоучителей: 27 ноября—священникъ с. Вискатки, Гдовскаго у., Алексѣй **Заборовскій**—мѣстнаго двухкласснаго М. Н. Пр. училища и Руйскаго земскаго училища; священникъ Порѣчской церкви, Шлиссельбургскаго у., Александръ **Савинъ**—начальныхъ училищъ Порѣчскаго прихода; 29 ноября—протоіерей Спасо-Преображенской, за Московской заставой, церкви Михаилъ **Тихомировъ**—Московской земской школы; 9 декабря—священникъ В. К. **Любимовъ**—двухъ классовъ Спб. 6-го Александроневскаго смѣшаннаго съ тремя классами училища, священникъ Владимиръ **Вишняковъ**—трехъ классовъ Спб. Александроневскаго смѣшаннаго съ четырьмя классами училища; священникъ В. **Никольскій**—одного класса того же училища и 3-го Александроневскаго женскаго училища; священникъ

Адамъ **Симо**—9-го Александрo-Невскаго мужскаго и 6-го Александрo-Невскаго женскаго училищъ; священникъ **Θеодоръ Быстряковъ**—трехъ классовъ 1-го Московскаго съ 6-ю классами училища; священникъ **Павель Левитскій**—трехъ классовъ того же училища; священникъ **В. И. Яблонскій**—дополнительнаго класса при 5-мъ мужскомъ четырехъ-классномъ училищѣ; 11 декабря—священникъ **А. Виноградовъ**—двухъ классовъ Васильевскаго съ 4-мя классами училища; діаконъ **І. Лавровъ**—6-го Васильевскаго съ 3-мя классами училища; священникъ **І. Сутонскій**—двухъ классовъ 7-го Васильевскаго съ 3-мя классами училища; діаконъ **І. Гречаниновъ**—одного класса того же училища; діаконъ **В. Михайловскій**—6-го Васильевскаго мужскаго училища; священникъ **Е. Яковлевъ**—10-го Выборгскаго мужскаго училища; 13 декабря—діаконъ села Рыбацкаго, Петербургскаго уѣзда, **Николай Хрусталець**—мѣстнаго частнаго народнаго училища; 9 декабря—кандидатъ богословія **И. Заплатинъ**—5-го Александрo-Невскаго съ тремя классами училища; **В. Тихомировъ**—одного класса въ 6-мъ Александрo-Невскомъ съ 3-мя классами училищъ; кандидатъ богословія **А. Мудровъ**—15-го мужскаго и 12-го женскаго Александрo-Невскихъ училищъ; кандидатъ богословія **Л. Кастровскій**—одного класса въ 1-мъ Литейномъ съ 3-мя классами училищъ; кандидатъ богословія **Г. Эльтековъ**—13-го Рождественскаго мужскаго и 14-го Литейнаго женскаго училищъ; кандидатъ богословія **Б. Груздевъ**—11-го мужскаго и 8-го женскаго Московскихъ училищъ; **В. П. Григоровичъ**—дополнительныхъ классовъ при Московскомъ женскомъ имени **В. В. Колобова** училищѣ; 11 декабря—кандидатъ богословія **Н. Ермиловъ**—двухъ классовъ 2-го Васильевскаго съ 6-ю классами училища; кандидатъ богословія **Н. Афанасьевъ**—2-го Васильевскаго съ 3-мя классами училища; въ должности старостъ: 27 ноября—крест. **Павель Скворцовъ**—Гвоздинской церкви, Гдовскаго у.; 29 ноября—крест. **Василій Смирновъ**—Горы-Валдайской церкви, Петергофскаго у.; 28 ноября—поч. гражд. **Борисъ Осиповъ**—старостою церкви

при убѣжищѣ въ память Императора Александра III для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей въ Спб.; 6 декабря — потом. поч. гражд. Т. А. **Ивановъ** — Спб. Срѣтенской, едино-вѣрческой, на Волковомъ кладбищѣ, церкви; 8 декабря — крест. Алексѣй **Житновъ** — Смоленской пригородной, за Невской заставой церкви; крестьянинъ Θεодоръ **Гладковъ** — Ямь-Ижорской церкви, Царскосельскаго у.; 9 декабря — потом. поч. гражд. Борисъ **Карповъ** — при церкви малолѣтняго отдѣленія Спб. Сиротскаго Института Императора Николая I-го; крест. Иванъ **Игнатьевъ** — Городенской церкви, Лужскаго у.; крест. Петръ **Флоровъ** — Теребужской церкви, Новоладожскаго у.; 13 декабря — крест. Іоаннъ **Авраамовъ** — Сяберской церкви, Лужскаго у.; 14 декабря — поручикъ въ отставкѣ Константинъ **Шуваловъ** — церкви при Спб. Александро-Маріинскомъ домѣ для заштатнаго и сиротствующаго духовенства.

Опредѣлены: 29 ноября — псаломщикъ церкви при Михайловскомъ учебно-воспитательномъ заведеніи Дмитрій **Некрасовъ** — на вакансію псаломщика къ церкви „Общества ревнителей вѣры и милосердія“ на ст. „Сергіева Пустынь“, Балт. жел. дор.; 4 декабря — учитель Кракольской второклассной школы, Ямбургскаго у., Михайль **Михайловъ** — на вакансію діакона при Кракольской церкви; 8 декабря — бывший воспитанникъ Спб. Духовной Семинаріи Константинъ **Флеровъ** — на вакансію псаломщика, въ санѣ діакона, къ церкви Св. Николая при убѣжищѣ въ память Императора Александра III для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей въ Спб.; 13 декабря — жена псаломщика Полновской церкви, Гдовскаго у., Екатерина **Пустынская** — просфорнею при названной церкви; 14 декабря — священникъ Сопкинской церкви, Ямбургскаго у., Алексѣй **Веселовскій** — на вакансію настоятеля при названной церкви.

Награждены: 28 ноября — учитель Александро-Невскаго дух. училища и настоятель церкви Громовскаго дѣтскаго приюта въ Спб. Александръ **Волковъ** — за отлично-усердное

исполненіе педагогическихъ обязанностей — скуфьею; 4 декабря—попечителю Сергіевской церковно-приходской школы, что при Сергіевскомъ Отдѣленіи Александро-Невскаго Общества трезвости, поч. гражд. Ивану **Баранову**—за пожертвованія на постройку зданія помянутой школы — преподано Архипастырское Его Высокопреосвященства благословеніе съ выдачею грамоты.

Перемѣщены: 3 декабря—штатный діаконъ Пятагорскаго Богородицкаго монастыря Петръ **Успенскій** — на вакансію діакона къ церкви с. Песьи, Гдовскаго у.; 14 декабря перемѣщенный 16 ноября изъ с. Боротна, Лужскаго у., на настоятельскую вакансію къ Доложской церкви, Гдовскаго у., священникъ Василій **Семеновъ** — оставленъ, согласно прошенію, въ с. Боротнѣ; священникъ с. Боротна Василій **Ильинскій**—на вакансію священника въ с. Сойкино, Ямбургскаго у., священникъ с. Сойкина, Ямбургскаго у., Николай **Покровскій** — на вакансію настоятеля къ Доложской церкви, Гдовскаго у.

Уволены: 29 ноября—староста Николаевской Чернорѣченской церкви Иванъ **Барановъ** — отъ должности старосты при названной церкви, за переходомъ его на должность старосты по военно-духовному вѣдомству; пот. поч. гражд. Яковъ **Ивановъ**—отъ должности старосты церкви при институтѣ принцессы Терезіи Ольденбургской въ Спб., согласно прошенію; 7 декабря—священникъ с. Шавкова, Гдовскаго у., Василій **Никольскій**—за штатъ, согласно прошенію; 19 ноября—просфорня Горской церкви, Лужскаго у., Татіана **Пустынская** — отъ мѣста просфорни при названной церкви; 2 декабря—купецъ Аркадій **Пурышевъ**—отъ должности старосты церкви при Спб. 2-мъ реальномъ училищѣ, согласно прошенію.

Продолженъ отпускъ для леченія священнику Турскаго погоста, Лужскаго у., Сергію **Ласкѣву** — по 15 декабря 1906 года.

Умершій: діаконъ Песейской церкви, Гдовскаго у., Іоаннъ **Соколовъ** — 15 ноября; заштатный діаконъ церкви женской

руководѣльной школы **Василій Яновскій**—8 декабря—протоіерей домової церкви гг. фонъ-Дервизъ во Франці **Іоаннь Топольевъ**—5 декабря.

Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства отъ 8/10 декабря 1906 г. гражданскій инженеръ **А. П. Аплаксинъ**, согласно прошенію, допущенъ къ исполненію обязанностей С.-Петербургскаго Епархіальнаго архитектора.

Высочайше утвержденнымъ 24-го сего ноября особымъ журналомъ Совѣта Министровъ— о порядкѣ обращенія свободныхъ средствъ пенсіонныхъ и эмеритальныхъ кассъ на приобрѣтеніе 6% именныхъ обязательствъ Крестьянскаго поземельнаго банка, въ дополненіе Высочайше утвержденного 5-го августа 1906 г. положенія Совѣта Министровъ, постановлено:

1) Состоящія при всѣхъ вѣдомствахъ пенсіонныя и эмеритальныя кассы обязаны отчислять ежегодно не менѣе половины ихъ свободныхъ остатковъ на приобрѣтеніе 6% обязательствъ Крестьянскаго поземельнаго банка.

2) Означенныя суммы распредѣляются Крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ по слѣдующему разсчету: изъ первыхъ 5.000 руб. продажной цѣны по сдѣлкамъ банка приобрѣтается обязательство на сумму не свыше 60%; изъ послѣдующихъ 5.000 руб.—не свыше 30%; съ части продажной цѣны отъ 10.000 руб. до 25.000 руб.—15%; съ части сверхъ 25.000 руб. до 50.000 руб.—5%; съ части цѣны отъ 50.000 руб. до 100.000 руб.—3%, и съ части отъ 100.000 руб. до 200.000 руб.—2%. По сдѣлкамъ цѣною свыше 200.000 руб. обязательствъ не приобрѣтается. Сдѣлки, совершаемыя отъ имени одного лица по отдѣльнымъ продажамъ земли, хотя бы и разновременно, считаются за одну сдѣлку.

3) Приобрѣтеніе обязательствъ совершается по курсу, опредѣляемому на каждые три мѣсяца положеніями Совѣта

Министровъ, по представленіямъ Министра Финансовъ. (Прав. Вѣстн. 30 ноября 1906 г. веч. приб. № 158).

Симъ объявляется духовенству приходскихъ соборовъ и церковей столицы, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено Николаевскому православному братству произвести въ означенныхъ церквахъ сборъ пожертвованій въ пользу братства въ воскресный день 7 января будущаго 1907 года, за литургіями и наканунѣ сего дня, за всенощными. Ноября „30“ дня 1906 года.

Симъ объявляется духовенству приходскихъ соборовъ и церковей С.-Петербургской епархіи, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено Комитету Попечительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ произвести въ означенныхъ церквахъ сборъ пожертвованій въ пользу Попечительства въ воскресный день 25 февраля (недѣля мясопустная) будущаго 1907 года, за литургіями и наканунѣ сего дня, за всенощными. Декабря „13“ дня 1906 года.

Симъ объявляется духовенству приходскихъ соборовъ и церковей гг. С.-Петербурга, Кронштадта, Петергофа и Ораніенбаума, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено Совѣту женскаго кружка помощи пострадавшимъ воинамъ произвести въ означенныхъ церквахъ сборъ пожертвованій въ пользу кружка въ воскресный день 4 февраля будущаго 1907 года, за литургіями и наканунѣ сего дня, за всенощными. Декабря „13“ дня 1906 года.

Симъ объявляется духовенству церковей столицы и городовъ уѣздныхъ, а также городовъ: Кронштадта, Ораніенбаума, Нарвы, Гатчино и Павловска, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено Кирилло-Сергіевскому Урмійскому Братству произвести въ означенныхъ церквахъ сборъ по-

жертвованій на нужды Братства въ недѣлю мытаря и фари-
сея, 11 февраля будущаго 1907 г., за литургіями и накануне
сего дня, за всенощными. Ноября 17 дня 1906 года.

Симъ объявляется духовенству приходскихъ соборовъ и
церквей столицы, что Епархіальнымъ Начальствомъ раз-
рѣшено Совѣту Общества защиты дѣтей отъ жестокаго
обращенія произвести въ означенныхъ церквахъ сборъ по-
жертвованій въ пользу названнаго Общества, въ воскресенье
14 января будущаго 1907 года, за литургіями и накануне
сего дня, за всенощными. Ноября 18 дня 1906 года.

Симъ объявляется духовенству приходскихъ соборовъ и
церквей г. С.-Петербурга, что Епархіальнымъ Начальствомъ
разрѣшено Петровскому Отдѣлу Общества попеченія о бѣд-
ныхъ и больныхъ дѣтяхъ произвести въ означенныхъ
церквахъ сборъ пожертвованій въ пользу названнаго Отдѣла
въ воскресный день, 21 января, будущаго года, за литургіями
и накануне сего дня, за всенощными. Ноября 28го дня
1906 года.

Симъ объявляется духовенству приходскихъ соборовъ и
церквей г. С.-Петербурга и Кронштадтскаго Андреевскаго
собора, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено Коми-
тету Общества приморскихъ санаторій для хроническо-
больныхъ дѣтей произвести въ означенныхъ церквахъ сборъ
пожертвованій въ пользу означеннаго Общества въ воскрес-
ный день 28 января будущаго 1907 года, за литургіями и
наканунъ сего дня, за всенощными. Ноября 29 дня 1906 г.

Перечень дней, въ кои назначается въ 1907 г. очередное проповѣдничество Петербургскаго духовенства въ соборахъ Исаакіевскомъ и Казанскомъ.

2 февраля, пятница. Срѣтеніе Господне.

Исаакіевскій соборъ: Протоіерей Христорожественской церкви Г. С. Полянскій.

Казанскій соборъ: Священникъ Воскресенской Общества расп. р.-нр. Просвѣщенія церкви П. А. Миртовъ.

4 февраля. Недѣля 32-ая.

Исаакіевскій соборъ: Протоіерей Крестовоздвиженской, что въ Ямской, церкви А. С. Кононовъ.

Казанскій соборъ: Протоіерей Знаменской церкви А. А. Митропольскій.

11 февраля. Недѣля мытаря и фарисея.

Исаакіевскій соборъ: Протоіерей Преображенской, что въ Колтовской, церкви В. П. Галкинъ.

Казанскій соборъ: Благовѣщенской Василеостровской церкви протоіерей Л. М. Тихомировъ.

18 февраля. Недѣля о блудномъ сынѣ.

Исаакіевскій соборъ: Священникъ Симеоновской церкви Н. Н. Вертоградскій.

Казанскій соборъ: Протоіерей Пантелеймоновской церкви Н. Г. Дроздовъ.

25 февраля. Недѣля Мясопустная.

Исаакіевскій соборъ: Борисо-Глѣбской церкви протоіерей Н. К. Оранскій.

Казанскій соборъ: Спасо-Сѣнновской церкви священникъ Е. М. Кондратьевъ.

4 марта. Недѣля Сыропустная.

Исаакіевскій соборъ: Исидоровской Эстонской церкви священникъ А. Пакляръ.

Казанскій соборъ: Михаило-Архангельской церкви священникъ Д. Ф. Стефановичъ.

- 11 марта. Недѣля Православія.
Исаакіевскій соборъ: Знаменской Вхоіерусалимской церкви протоіерей В. І. Синайскій.
Казанскій соборъ: Сампсоніевской церкви священникъ І. Е. Острогорскій.
- 18 марта. Недѣля 2-ая поста.
Исаакіевскій соборъ: Благовѣщенской церкви протоіерей В. І. Дурневъ.
Казанскій соборъ: Св.-Троицкаго собора протоіерей І. А. Савинскій.
- 25 марта. Недѣля 3-ья и Благовѣщеніе.
Исаакіевскій соборъ: Исидоровской Эстонской церкви протоіерей П. П. Кульбушъ.
Казанскій соборъ: Св.-Троицкой О. расп. р.-нр. Просвѣщенія церкви протоіерей П. Н. Лахотскій.
- 1 апрѣля. Недѣля 4-ая поста.
Исаакіевскій соборъ: Христорождественской церкви протоіерей Н. Д. Удальцовъ.
Казанскій соборъ: Введенской церкви протоіерей Н. В. Соболевъ.
- 8 апрѣля. Недѣля 5-ая поста.
Казанскій соборъ: Маріинской Малоохтенской церкви протоіерей Ф. А. Маловъ.
Исаакіевскій соборъ: Спасобочаринской церкви священникъ В. А. Петропавловскій.
- 15 апрѣля. Недѣля Ваіі.
Исаакіевскій соборъ: Маріинской Малоохтенской церкви священникъ П. А. Романовскій.
Казанскій соборъ: Протоіерей собора Д. В. Рождественскій.
- 20 апрѣля. Великій Пятокъ.
Исаакіевскій соборъ: Цензоръ Спб. Ц. Комитета Архимандритъ Меѳодій.
Казанскій соборъ: Протоіерей собора В. А. Прозоровъ.

22 апрѣля. Пасхальная Вечеря.

По особому назначенію Его Высокопреосвященства
Владыки Митрополита.

23 апрѣля, понедѣльникъ. Тезоименитство Государыни Импе-
ратрицы Александры Феодоровны.

По особому назначенію Владыки Митрополита.

29 апрѣля. Недѣля о Өомѣ.

Исаакіевскій Соборъ: Владимірской церкви священ-
никъ П. А. Кедринскій.

Казанскій соборъ: Крестовоздвиженской, что въ Ямской,
церкви протоіерей Н. А. Николаевскій.

6 мая. Недѣля женъ Мироносицъ и Рожденіе Государя
Императора.

Исаакіевскій соборъ: По особому назначенію Владыки
Митрополита.

Казанскій соборъ: Андреевскаго собора протоіерей
І. І. Добронравовъ.

13 мая. Недѣля о разслабленномъ.

Исаакіевскій соборъ: Спасобочаринской церкви про-
тоіерей І. Я. Соколовъ.

Казанскій соборъ: Михаило-Архангельской церкви свя-
щенникъ Н. І. Изборскій.

14 мая, понедѣльникъ. Священное Коронованіе Ихъ Импе-
раторскихъ Величествъ.

По особому назначенію Владыки Митрополита.

20 мая. Недѣля Самарянина.

Исаакіевскій соборъ: Братской Покровской церкви
священникъ П. С. Тумановъ.

Казанскій соборъ: Владимірской церкви протоіерей
В. М. Лебединскій.

25 мая, пятница. Рожденіе Государыни Императрицы Але-
ксандры Феодоровны.

По особому назначенію Владыки Митрополита.

27 мая. Недѣля о слѣпомъ.

Исаакіевскій соборъ: Крестовоздвиженской на Петер-

бургской сторонѣ церкви священникъ П. М. Финиковъ.

Казанскій соборъ: Скорбященской на Стеклянномъ заводѣ церкви протоіерей С. С. Наркевичъ.

31 мая, четвертокъ. Вознесеніе Господне.

Исаакіевскій соборъ: Крестовоздвиженской, что въ Ямской церкви протоіерей В. Г. Гуляевъ.

Казанскій соборъ: Скорбященской на Стеклянномъ заводѣ церкви протоіерей М. Д. Никифоровскій.

3 іюня. Недѣля Св. Отецъ.

Исаакіевскій соборъ. Малоколоменской Покровской церкви протоіерей А. О. Положинцевъ.

Казанскій соборъ: Митрофаніевской Кладбищенской церкви протоіерей І. К. Херсонскій.

10 іюня. Недѣля Пятидесятницы.

По усмотрѣнію Владыки Митрополита.

17 іюня. Недѣля всѣхъ Святыхъ.

Исаакіевскій соборъ: Скорбященской на Стеклянномъ заводѣ церкви священникъ П. І. Скипетровъ.

Казанскій соборъ: Крестовоздвиженской, что въ Ямской, церкви протоіерей Г. І. Ковалевскій.

24 іюня. Недѣля 2-ая по Пятидесятницѣ.

Исаакіевскій соборъ: Преображенской, что въ Колтовской, церкви священникъ Д. Д. Кратировъ.

Казанскій соборъ: Крестовоздвиженской на Петербургской сторонѣ церкви протоіерей Н. П. Орловъ.

Во дни Рождественскихъ праздниковъ и въ Новый Годъ приѣма у его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, не будетъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Лепта за храмы...

Въ свѣтлые дни наступающаго праздника, когда повсюду зажгутся праздничные огни, не забудемъ о *темныхъ* и убогихъ ясляхъ Христа, — о нашихъ бѣдныхъ деревенскихъ храмахъ, — вспоминая объ одномъ изъ которыхъ, нашъ родной поэтъ говоритъ:

„Въ первые годы младенчества
Помню я церковь убогую;
Стѣны ея деревянныя,
Крышу неровную, сѣрую,
Мохою зеленымъ поросшую...

Изъ года въ годъ за службой Рождества Христова совершается у насъ установленный сборъ пожертвованій на приведеніе ихъ въ благолѣпный видъ. *Бѣдность* убогихъ храмовъ покроемъ *богатствомъ* своей любви и, какъ волхвы далекаго Востока, принесемъ къ яслямъ Возлегшаго въ нихъ Господа дары нашего вѣрующаго и любящаго сердца. Пусть во славу Божію сіяютъ своимъ благолѣпіемъ и по деревнямъ св. Божіи храмы, и въ помраченной душѣ человѣческой въ наше мятежное время будятъ влеченіе къ утерянной красотѣ кроткаго образа Божія.

Не забудемъ же про сборъ на бѣдные сельскіе храмы 25-го декабря.

* * *

Когда Господь нашъ Иисусъ Христосъ благоволилъ нашего ради спасенія родиться отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, всѣ созданія Божіи поспѣшили во срѣтеніе Ему, воздали Ему честь и принесли свои дары: земля — вертепъ, небо — звѣзду, путеводящую къ Солнцу правды, безсловесныя — ясли, бѣдные пастыри — поклоненіе, воинства небесныя — славословіе.

А волхвы такъ, даже, оставили родину, дѣла, прошли длинный, утомительный путь, и все это для того, чтобы увидать Младенца Христа, поклониться Ему и принести многоцѣнные дары.

А мы, братъ христіанинъ, что принесемъ Младенцу-Христу, какой даръ положимъ къ ногамъ Его?

Есть даръ одинъ, даръ Богу пріятный и вожделѣнный. Это—наши добротныя жертвы на Божіи храмы. Тотъ, Который нѣкогда возлежалъ въ ясляхъ, пребываетъ теперь въ нашихъ храмахъ; и нигдѣ такъ не близко Господь къ людямъ, какъ въ храмѣ. Отсюда его благодать незримыми потоками разносится во всѣ дома христіанскіе:—и въ роскошныя палаты, и бѣдныя хижины, и къ богатому купцу, и къ бѣдному поденщику. Утомилась ли душа ваша отъ тревогъ земныхъ? Желаетъ ли она освѣжиться, подкрѣпиться и очиститься отъ праха земной суеты? Идите въ любой изъ храмовъ Божіихъ; тамъ источники благодати неисчерпаемые, тамъ Самъ Христосъ, глаголющій: *жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да пьетъ!* (Іоан. VII, 37). Онъ утолитъ вашу жажду духовную, освѣжитъ вашу душу и подкрѣпитъ ея изнемогшія силы. Семейное ли горе постигло васъ, или сердце гнететъ тоска безысходная? Опять спѣшите подъ сѣнь дома Божія: тамъ у подножія Креста Христова вы сложите бремя грѣховъ своихъ, тамъ повѣдаете всѣ свои скорби Самому Христу Господу, Который всѣхъ зоветъ къ Себѣ гласомъ милосердія: *придите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы!* (Матѣ. XI, 28). Во храмѣ Божіемъ мы духовно раждаемся въ купели св. Крещенія, подъ его сѣнію благословляется и союзъ супружескій, въ храмѣ Божіемъ мы съ Самимъ Христомъ соединяемся во св. Причащеніи, въ храмѣ Божій принесутъ и бездыханное тѣло наше для послѣдняго цѣлованія... Ахъ, други мои! Какъ было бы пусто и томительно-грустно на этой грѣшной землѣ, если бы не было на ней храмовъ Божіихъ, и какъ мы счастливы, что у насъ въ Петербургѣ, куда ни пойдѣ,

храмы Божіи, храмы Божіи теплые, красивые, сіяющіе золотомъ и огнями... Счастливыцы мы! Мы съ вами въ нашихъ столичныхъ храмахъ услышимъ и чудное пѣніе, и проповѣдь батюшки, насладимся во всей полнотѣ церковнымъ благолѣшіемъ...

И свѣтлый праздникъ Рождества Христова для насъ воистину будетъ праздникомъ. Широко откроются для насъ двери храмовъ Божіихъ, торжественная, ликующая пронесется подъ сводами ихъ церковная пѣснь: Христосъ раждается, славите!

И всколыхнется душа, отрадой и миромъ наполнится она. Свѣтлыя, радостныя минуты!

Мы воистину, по праздничному, будемъ славить Христа! А тамъ за Петербургомъ, по глухимъ уголкамъ Петербургской губерніи, среди болотъ и лѣсовъ, въ сельскихъ храмахъ тоже хотѣли бы славить Христа по праздничному. Но горе тамъ великое... Бѣдны прихожане сельскіе, убоги храмы ихъ деревянные. Холодно въ этихъ храмахъ молиться,—тоскливо смотрѣть на потемнѣвшія отъ древности стѣны. Иконы тоже почернѣвшія, ризы у священниковъ старенькія. И хотѣлось бы порой богомольцамъ пообновить и украсить домъ Божій! Вздыхаютъ и плачутъ они, но горю помочь не могутъ: бѣдность, копѣйки свободной нѣтъ. И смотрятъ ихъ очи съ мольбой на насъ, жителей столицы,—не отзовемся ли мы на ихъ горе великое и не поможемъ ли братски ради Младенца Христа на обновленіе и украшеніе убогихъ сельскихъ храмовъ Петербургской епархіи.

Самъ Богъ — первый строитель Своего храма благословляетъ ревность всякаго, кто жертвуетъ на храмы, и даже заповѣдуетъ это. „Скажи, говоритъ Господь Моисею, чтобы они сдѣлали Мнѣ приношеніе; отъ всякаго человѣка, у котораго будетъ усердіе, принимайте приношенія Мнѣ; и устроятъ Мнѣ святилище и буду обитать посредѣ ихъ“ (Исх. XXV, 2, 8).

Видите, братіе христіане, тѣ приношенія, что мы по усердію приносимъ на обновленіе и украшеніе храмовъ, Господь принимаетъ какъ для Себя Самого.

Христось раждается—срящите! Встрѣтимъ же Младенца Христа нашими сердечными жертвами на бѣдныя сельскіе храмы Петербургской епархіи, — и порадуемъ Его своей братской любовью къ ближнимъ своимъ. Аминь.

Предсоборное Присутствіе.

Предсоборное Присутствіе вызывало и вызываетъ въ печати и обществѣ разнохарактерныя толки и сужденія. Ему ставятъ въ вину то обстоятельство, что „главный жизненный нервъ церковной жизни—вопросы вѣры и обновленія жизни на началахъ Христова ученія—почти совершенно не затрагиваются въ рѣчахъ ораторовъ Присутствія. Все вниманіе сосредоточено на вопросѣ о Церковномъ Соборѣ, его организаци и составѣ, при чемъ его задача опредѣляется, какъ возстановленіе древняго каноническаго строя Церкви и прежде всего въ реорганизаци церковнаго управленія. При этомъ предполагается, что *все зло* церковной жизни въ государственномъ положеніи Православной Церкви въ Россіи—въ неканоничности ея устройства и управленія. О вопросахъ вѣроученія и нравоученія, о принципиальной сторонѣ церковной жизни рѣчи нѣтъ, или объ этомъ упоминается вскользь, мимоходомъ, какъ будто все здѣсь обстоитъ благополучно... Если Церковь хочетъ сохранить руководство въ религіозной жизни народа, она должна провозгласить живое, всеобъемлющее, единое и современное исповѣданіе, должна разработать цѣльную систему христіанскаго жизнепониманія примѣнительно къ запросамъ дѣйствительности... Какъ бы ни ограничивался объемъ реформы, придется коснуться

принципіальнихъ вопросовъ. Ограничиваться клерикально- бюрократической передѣлкой обветшалаго зданія „официальной“ Церкви, въ надеждѣ, что съ устройствомъ внѣшнихъ формъ жизни внутренняя жизнь наладится сама собой, все это — неосуществимыя стремленія, праздная затѣя“... Такъ судить о реформѣ „Богословскій Вѣстникъ“ устами г. А. Чирецкаго въ великолѣпной его статьѣ: „О церковной реформѣ“ (іюль-августъ 1906 г.).

Бурно-пламенный натискъ на церковную реформу сдѣланъ В. В. Розановымъ въ его „письмѣ“, озаглавленномъ: „*Нехристіанскій соборъ*“. Г. Розановъ объясняетъ, почему онъ „глумится“ надъ предсоборнымъ совѣщаніемъ, рѣшившимъ въ принципѣ избрать патріарха: знакомство съ протоколами Предсоборнаго Присутствія“ (комиссіи) и съ „Отвѣтами Епархіальныхъ архіеревъ на запросъ св. Синода касательно предстоящей церковной реформы“ убѣдило нашего писателя *въ безнадежности собора для религіи и для нашей Россіи*. На десяткахъ страницъ „протоколовъ“ и „отвѣтовъ“ нѣтъ будто бы-упоминанія имени Иисуса Христа, нѣтъ общей проникнутости духомъ Христовымъ, евангельскимъ. Точно разсуждающіе вовсе уже не суть христіане, хотя они „канонисты“ исправные, злые (?), ученые, компетентные... Религіозная сторона дебатовъ и „записокъ“ равна нулю! Ни тоски, ни отчаянія, ни запросовъ, ни вѣры (?), ни сильнаго слова, ни воодушевленія, ни поэзіи, ни мудрости, ничего, ничего... Пустыня! Обмелѣла рѣка русская, рѣка церковная. И только изо всѣхъ строкъ торчитъ этотъ бѣдственный „патріархъ“, вождельный, алкаемый, прославляемый, внушаемый... Никакого сердца и ни къ чему,—никакихъ заботъ о нравственномъ состояніи народа. Ничего о жестокихъ его нравахъ, о грубости, темнотѣ. Ничего о пьянствѣ. Ничего о положеніи семьи, о состояніи брака, о фізіологическомъ

измельчани и вырожденіи племени подѣ влияніемъ недоѣданія и болѣзней... Во всѣхъ дебатахъ и трактатахъ видно рѣшительное забвеніе Россіи и теперешнихъ, довольно трудныхъ и критическихъ, ея обстоятельствъ, какъ бы предсоборная комиссія собиралась не въ Петербургѣ, а гдѣ нибудь на островѣ Явѣ или на горѣ Аѳонѣ, и не въ XX, а въ X вѣкѣ... Это деревенско-схоластическое совѣщаніе, кромѣ своей колокольной, ничего не видитъ, и кромѣ своего звона—ничего не слышитъ. „Увѣренъ,—заключаетъ свои рѣчи г. Розановъ, что высшее духовенство соберется на соборъ, обдумаетъ митры и патріарха, но уже никто за нимъ не пойдетъ, никто *душею*, кромѣ простецовъ и карьеристовъ, съ ними не сольется, и пойдетъ русское общество *своими* путями“. („Нов. Вр.“ № 10884) ¹⁾.

Въ *существенномъ пунктѣ*—сужденія г. Розанова сходятся съ сужденіями „Богословскаго Вѣстника“: соборъ не долженъ бы ограничиваться вопросами лишь одного церковнаго управленія, а принять къ сердцу и вопросы религіознонравственные. Что же касается *частностей*, то думать надо, что г. Розановъ нѣсколько *попятился* съ своими громоподобными укорами: онъ писалъ свою замѣтку въ началѣ іюля, когда еще далеко не все мнѣнія епархій были обнародованы, и далеко не закончены были печатаніемъ „протоколы“ Предсоборнаго Присутствія. И кромѣ того засѣданія присутствія лишь *прерваны* были на время, а не совершенно прекращены: не мало осталось „недоговореннаго“. Логика требовала бы воздержаться отъ *категорическихъ* сужденій а удовольствоваться *условными*: „если-моль и впредь дѣло реформы пойдетъ все тою же колеею, какою шло доселѣ,

¹⁾ Г. Кузнецовъ членъ предсоборнаго присутствія—называетъ Соборъ изъ однихъ Епископовъ—„*обширнымъ съюзомъ духовенства*“, способнымъ вызвать новыя раздѣленія въ Церкви.

то не бывать добру" ¹⁾. Ни откуда вѣдь не видно, что реформа церкви и *остановится только на начаткахъ*, и—никогда не коснется *глубинъ* серьезнѣйшаго дѣла, по подражанію книжникамъ и фарисеямъ, заботливо „очищавшимъ внѣшность чаши и блюда, между тѣмъ какъ внутри онѣ полны хищенія и неправды“ (Мѡ. XXIII). Мы твердо убѣждены, что правящія наши власти не позабыли этихъ властныхъ словъ: „сіе надлежало дѣлать и того (о тѣхъ) не оставлять“,— что весь „нервъ“ спора въ вопросѣ о ц. реформѣ—въ *разности методовъ* этой реформы: одни хотятъ идти тутъ путемъ аналитическимъ, другіе—синтетическимъ, для однихъ—на *первомъ* планѣ должны стоять вопросы вѣры и нравственности, для другихъ—вопросы управления. Несомнѣнно, вопросы внутренніе выше вопросовъ внѣшнихъ, какъ духъ выше тѣла, какъ Живущій въ храмѣ больше, значимѣе стѣнъ храмовыхъ, убранства храмовъ. Но отсюда не вытекаетъ, что о *меньшемъ*, о *низшемъ* не нужно совсѣмъ заботиться: ни о тѣлѣ, ни о храмовомъ зданіи, а—довлѣетъ—де заботь о *высшемъ*—о Богѣ, о душѣ... Нужно надѣяться, что *первый* въ XX вѣкѣ помѣстный соборъ не станетъ и *постыднымъ*, а что онъ откроетъ собою дверь къ всегдашнему соборному рѣшенію—и вопросовъ вѣры и нравственности. Лишний грузъ на кораблѣ затрудняетъ его движенія. „Перегрузка“ собора вопросами точно также ляжетъ тяжелымъ непосильнымъ бременемъ на его членовъ: не въ одинъ день устроены Божій міръ всемогущимъ Его Творцомъ! Вооружимся терпѣніемъ и надеждами на свѣтлое будущее: взошла „заря“ обновленія церковной жизни, взойдетъ въ урочный часъ и „солнце“, и оживотворитъ своими яркими лучами *всю уюлки* міра христіански-православнаго. „Горуш-

¹⁾ Въ статьѣ своей въ Н. Вр. отъ 12 дек. г. Розановъ говоритъ, что предсоборная комиссія „чуть-чуть касалась“, и даже въ сущности вовсе не касалась ужасныхъ семейныхъ нравовъ“... Хоть и *некасаемо*, да *касалась же* и не патріарха одного!

ное зерно“ перваго собора выростеть въ великое многолюдное, благосѣннолиственное „дерево“, при Божьей помощи. Важень „починь“.

Недовольно защищеннымъ, уязвимымъ „мѣстомъ“ Предсоборнаго Присутствія служить *составъ* его членовъ. Едва ли не первымъ словомъ на Предсоборномъ Присутствіи было заявленіе одного изъ его членовъ о томъ, что „силы Присутствія слабы для рѣшенія тѣхъ задачъ, которыя возложены на Присутствіе... Здѣсь мы видимъ, говорилъ кн. Ев. Трубецкой, почтенное представительство со стороны іерархіи нашей церкви и ученыхъ богословныхъ силъ, но здѣсь недостаточно представлено бѣлое духовенство и міряне. Мы не въ состояніи выразить голоса всей Церкви. Нужно, чтобы дѣло подготовленія собора началось *снизу*, въ Епархіяхъ, и представлено было соборному обсужденію на совмѣстныхъ сѣздахъ мірянъ и духовенства... Все, выработанное здѣсь, въ Присутствіи надо передать для (дальнѣйшаго) обсужденія на Епархіальные сѣзды, предоставивъ имъ свободу обсужденія церковныхъ нуждъ“. Мысль князя, какъ сообщалось въ свое время, поддерживали Н. П. Аксаковъ и А. А. Кирѣевъ („Колоколъ“ № 54). Однако—твердаго постановленія относительно нужды въ мнѣніяхъ и сужденіяхъ „*низовъ*“ Церкви—не было сдѣлано. Повидимому, Присутствіе склонилось къ той мысли, что „отзывы“ Епархіальныхъ преосвященныхъ по вопросамъ соборной программы и есть „голосъ“ Церкви, что первая стадія предсоборныхъ работъ уже пройдена, что, стало быть, нельзя и мечтать о возвращеніи „*трудовъ*“ Присутствія въ Епархіи для новыхъ *обсужденій* ¹⁾ ихъ въ Епархіальныхъ сѣздахъ.

¹⁾ Теперь предполагается разослать „*труды*“ эти по епархіямъ—для ознакомленія съ ними. Не очень велика цѣль рассылки. *Ознакомленіе* должно бы вмѣсто *цѣли* стать лишь *средствомъ* для *иныхъ* цѣлей, напр., для цѣли *оцѣнки* этихъ трудовъ.

Позволительно усумниться въ основательности такого предположенія: въ Епархіяхъ работали какія-то комиссіи, но—только *не епархіальныя*. Члены этихъ комиссій *не* епархіей выбирались и указывались, а приглашались мѣстными епископами, по ихъ личному выбору. Трудовъ этихъ комиссій—Епархіи не видывали, точнѣе сказать, не во всякой Епархіи считалось нужнымъ—не дѣлать секрета изъ работы, касающейся *всей* епархіи. Справедливо ли поэтому называть „голосомъ Епархіи“—сужденія и рѣшенія мало кому въ Епархіи вѣдомыхъ комиссій! Несомнѣнно, можно называть эти „труды“ голосомъ людей *свѣдущихъ*, и только! Епархія въ *полномъ* составѣ ея членовъ въ правѣ надѣяться, что соборъ непременно пожелаетъ выслушать *подлинный ея голосъ*. Соборныя рѣшенія только такимъ путемъ и пріобрѣтутъ значеніе истиннаго „гласа Божія“. Принятый же теперь „курсъ“ рѣшенія общепархіальныхъ нуждъ въ миниатюрныхъ комиссіяхъ, *не* епархіею избранныхъ и *не* для епархій, а прямо для собора—работающихъ, можетъ и не привести „корабля“ Церкви въ тихую пристань. Общее дѣло, дѣло доброе не должно бы бояться огласки, широкой огласки, общенароднаго о немъ сужденія. Не прилично ему какъ бы прятаться въ тихіе уголки—„отдѣлы“ Предсоборнаго Присутствія. „Безгласность“—ненадежный путь къ истинѣ! Былъ уже „опытъ“ такъ называемаго „бюрократическаго“ рѣшенія серьезнаго вопроса о духовно-судебной реформѣ въ семидесятихъ годахъ XIX столѣтія. Реформа суда готовилась въ безгласности, во тѣмѣ. Современники этихъ реформаторовъ „тосковали“ по поводу *такого* способа реформы. Слабо они надѣялись, что „можетъ быть и воспослѣдуетъ *обнародованіе* работъ тайныхъ комиссій, но не съ тѣмѣ, чтобы вызвать замѣчанія, тѣмъ менѣе—воспользоваться ими, а для *примчія*; послѣдуетъ въ добавокъ тогда, когда и высказывать замѣчанія поздно. Вообще на про-

екты, вполне готовые, съ главами, отдѣлами, подраздѣленіями, мудрено отзываться. Возможно еще, когда основныя начала не возбуждаютъ недоумѣній, но когда основаніе ложно? Отвергать всецѣло, оспаривать основанія, доказывать ихъ ложь, раскрывать ничтожество труда законодательнаго наканунѣ возведенія его въ обязательную силу: пользы общественной мало; остается молчать, когда не желаютъ слушать. Тѣ умѣстны и плодотворны замѣчанія, которыя вызываются по мѣрѣ самага возрастанія законодательной мысли, приглашаются (sic) къ участию въ самомъ ея процессѣ“. Эти чудесныя разсужденія принадлежатъ Н. П. Гилярову-Платонову. Онѣ вполне приложимы и къ реформѣ церковной, подготовляемой Предсоборнымъ нашимъ Присутствіемъ. О работахъ этого Присутствія печатается въ „приложеніяхъ“ къ Ц. Вѣдомостямъ. Повидимому, дѣло идетъ „при открытыхъ дверяхъ“. Однако, въ эти двери только дозволяется посмотрѣть любопытному оку,—а что-нибудь къ слову сказать, съ надеждою найти для этого словца внимательное ухо членовъ Присутствія, какъ будто и не позволяется. Обѣщается, какъ мы упомянули, разсылка работъ Присутствія по Епархіямъ, но опять-таки для простаго *ознакомленія*. Почему бы однако не передать эти работы разрѣшеннымъ духовною властію „приходскимъ совѣтамъ“ *для обсужденія, для замѣчаній*. Скажутъ: „гдѣ-же профанамъ судить о трудахъ специалистовъ—богословія, каноники, исторіи?“ Профаны и не станутъ судить о томъ, что превышаетъ границы ихъ разумѣнія. Но они очень вразумительно могутъ повѣдать специалистамъ-теоретикамъ о своихъ реальныхъ нуждахъ, выплакать предъ ними свое горе, высказать предъ ними свои завѣтныя мечты. Пусть эти профаны,—по выраженію одного близъ-каноническаго памятника, суть „хвостъ Церкви“. Но и у хвоста есть свои законныя потребности: не для лишняго жетолько груза онѣ привѣшенъ къ туловищу Премудрымъ Соз-

дателемъ всякой твари. Добрая, заботливая голова не пройдетъ съ презрѣніемъ мимо этихъ потребностей. Въ Церкви, какъ въ живомъ организмѣ, должна быть гармонія, согласованность функцій: въ ней, по слову Исидора Пелусіота, и начальству не свойственно высокомерное, безотчетное властвованіе,—и подчиненнымъ не заповѣдано одно „нѣмое, слѣпое повиновеніе и раболѣпство“. Идеаломъ церковной жизни должно быть любовное, братское единеніе всѣхъ вѣрующихъ: одна душа и одно сердце должно биться въ груди *всѣхъ*: „Болій въ васъ да будетъ всѣмъ слуга“—заповѣдалъ намъ Христосъ (Мѣ. XXIII). А *слугамъ* естественно знать волю *господина*, или, лучше сказать, волю лица, пользующагося услугами этихъ „*большихъ*“—въ смыслѣ *большей талантливости*, способностей къ дѣлу. Стало быть, мало совѣмъ мало—только „ознакомить“ *меньшихъ* съ трудами *большихъ*: тутъ нуженъ „*взаимообмѣнъ*“ мыслей и чувствъ ¹⁾ „Приходскіе совѣты“, мы вѣримъ, дадутъ для собора не менѣе цѣнные матеріалы, чѣмъ Предсоборное Присутствіе. Не изъ однѣхъ же „мошекъ и букашекъ“ состоятъ приходы,—въ нихъ найдутся и „слоны“. Вѣдь и въ составъ Присутствія члены вербуются изъ тѣхъ же приходовъ, а не изъ особой какой породы лабораторныхъ „гомункуловъ“ набираются. Если теперь *иные* совѣты лишь числятся на бумагѣ, а быть можетъ, существуютъ только въ потенціи, не проявляя жизни, то, вѣроятно, большая доля вины въ этой мертвенности живыхъ функцій падаетъ на неясность закона относительно начала, середины и конца работъ этихъ учреждений. Повидимому, приходскимъ совѣтамъ дано *много*, а—приглядишься пристальнѣе, окажется это

¹⁾ „Колоколь“ находитъ, что естественнѣе было начинать дѣло реформы не съ *науки*, не силами науки, а силами *жизни*: жизнь выше науки (№ 227).

многое—весьма малымъ. Такъ вотъ и кажется, что пригласили гостя на пиръ, а потомъ предъ самыми его глазами накрѣпко затворили двери: смотри изъ далека на пиршество, какъ Моисей на землю обѣтованія! О чемъ ни разсудятъ приходскіе совѣты,—*ничего они окончательно не порышатъ.* Имъ указано чертить планы переустройства приходской жизни,—а на самомъ дѣлѣ эта жизнь переустроится по планамъ *иныхъ* чертежниковъ. Они должны оставаться вѣчно при *начаткахъ* дѣла, безъ надежды видѣть его *окончаніе*: это *окончаніе* придетъ въ совѣты *готовымъ* изъ *внѣприходскихъ* сферъ, и не на *начаткахъ*, положенныхъ совѣтами, основанное. Положеніе совѣтовъ,—сознаться надо,—трагическое! Поэтому-то они вспыхнули кое-гдѣ яркими зарницами да и погасли безслѣдно... Всколыхните же стоячія воды Виезды—дайте живымъ людямъ живое дѣло: нѣмой заговорить, паралитикъ станетъ двигаться! Приходскіе совѣтыдохнуть на работы Присутствія животворнымъ дыханіемъ весны.

Протоіерей Н. Дроздовъ.

Отецъ Георгій.

Очерки одной жизни.

(Продолженіе).

Но въ томъ стонѣ были не однѣ земля, тѣни и цѣпучія травы: въ немъ была тоска по синему небу, и солнцу, и звѣздамъ, навсегда скрытымъ отъ маленькой искалѣченной сосенки“...

Конечно, это сказка.

Но въ ней слышна какая то другая тоска, какое-то другое глубокое горе. То горе бѣдныхъ лю-

дей, ползущихъ по землѣ, въ вѣчныхъ тѣняхъ и цѣпучихъ травахъ. То тоска по Невѣдомому Богу, по бѣлымъ кроткимъ ангеламъ, по широкому горизонту — среди постоянныхъ потемокъ.

...И хочется мнѣ сказать всѣмъ вѣрующимъ: дѣти-молитесь за ползущихъ по землѣ людей!

— Спасибо!—всталъ съ своего мѣста „профессоръ“.— Спасибо вамъ.—И, помолчавъ немного, прибавилъ: сегодня вы хорошо говорили. Такъ-же хорошо, какъ вчера хорошо сдѣлали. Спасибо вамъ!..

— Не за что! — ласково отвѣтилъ утомленный о. Георгій.

— Я самъ тоже благодарю. Понялъ очень мало, но немного понялъ... Въ другой разъ приду говорить. Хорошо будетъ?

— Хорошо, хорошо, Измаиль. Пожалуйста, приходи!

О. Георгій съ матушкой пошли проводить гостей до калитки. Ночь уже давно стояла надъ міромъ.

— Какъ хорошо!— сказала матушка.

— Да... и какъ все это теперь кажется мнѣ ново,— задумчиво отозвался „профессоръ“.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!..

Калитка захлопнулась. О. Георгій и матушка возвращались въ темныя съ бѣлѣющими окошками комнаты.

— Ты усталъ, Гора?—заботливо спросила матушка.

— Усталъ, Ниночка! Усталъ, моя милая! Но... какъ хорошо!...

— Да, Гора... И мнѣ хорошо!..

VIII.

Дня черезъ два, въ обѣденную пору, къ бабушкѣ пришелъ церковный сторожъ Власичъ и принесъ отъ „профессора“ письмо.

— Прохожу около ейнаго дома, а онъ сидитъ у себя на скамейкѣ около воротъ и это письмо держитъ въ рукахъ. Подойди сюда, любезный!—говорить. Подошелъ я, а онъ письмо мнѣ въ руки и говорить: снеси, отдай матушкѣ иль хоть бабушкѣ.

Письмо было адресовано на имя матушки. Распечатали.

„Глубокоуважаемая и родная Нина Константиновна! — писалъ „профессоръ“. — То, что происходитъ сейчасъ у меня въ душѣ, такъ необычно, что надѣюсь — вы простите меня за это странное письмо. Пишу я вамъ потому, что не писать — не могу. Потому что вся моя душа растворилась, какъ рѣка въ половодье, отъ того тепла и ласки, которыя я впервые позналъ въ вашемъ домѣ. Пишу именно вамъ, потому что писать о. Георгію — неловко, потому что я чувствую, что вы скорѣе поймете меня Вашимъ святымъ женскимъ глубокимъ сердцемъ. Пишу я вамъ, что я — *счастливъ*. Пишу я Вамъ, что я прозрѣлъ и увидѣлъ солнце и небо, и звѣзды. Увидѣлъ Бога и пока неумѣло, какъ маленькое дитя, стараюсь стать передъ Нимъ на колѣни... Сколько у меня сейчасъ свѣта

на душѣ, сколько тепла! Будто сейчасъ не конецъ лѣта, а начало весны и будто я только что вынулъ вторыя рамы и ко мнѣ ворвалась золотая, милая весна... Боже, какъ хорошо! Какъ птичка весною, я благословляю въ своей душѣ все и всему пою радостную весеннюю пѣсню. Какъ хорошо! Боже, какъ хорошо!..

Я не могу придти сейчасъ къ Вамъ, ибо мнѣ нужно быть самому съ собой. Вы поймете меня. Но мнѣ хѳчется подѣлиться съ Вами своей радостью, и вотъ я пишу. И хочется еще сказать Вамъ, родная, глубокоуважаемая Нина Константиновна: Вы — милая, святая женщина. Вы — та великая „молчальница“, которою до настоящаго времени держался мѣръ въ своихъ лучшихъ проявленіяхъ. Если священникъ долженъ быть женатъ, то только на такой женщинѣ, какъ Вы... Простите за нескладицу. Въ моей душѣ сейчасъ — весенній хаосъ.

Преданный Вамъ Михаилъ Ивинъ“.

Матушка прочитала письмо и — перекрестилась:

— Славу Богу! Какъ хорошо!

— И все, что онъ писалъ здѣсь, — правда. И правда то, что онъ писалъ о тебѣ, — промолвилъ о. Георгій и посмотрѣлъ на жену долгимъ благоговѣйнымъ, любящимъ взоромъ...

Вечеромъ о. Георгій зашелъ къ „профессору“. Они просидѣли далеко за полночь — на верандѣ, съ распахнутыми настежь окнами. Говорили о Богѣ Котораго недавно позналъ „профессоръ“. Говорили просто, какъ говорятъ вообще о необходимыхъ, обы-

денныхъ предметахъ. Ибо оба понимали, что Богъ такъ-же необходимъ человѣку, какъ жилище, одежда, пища. Къ тому-жъ смутно чувствовалось, что пройдетъ эта жизнь и потеряютъ свое значеніе жилище, одежда, пища, и только одинъ Богъ будетъ нуженъ, душѣ...

— Я долго думалъ надъ вашими словами, надъ вашимъ способомъ исканія Бога, — говорилъ профессоръ. — И я согласился съ вами. Въ былое время мы искали Бога слишкомъ далеко, на какихъ-то воздушныхъ высяхъ. И не находили. А Богъ былъ такъ близко, что стоило только протянуть руки, чтобы осязать Его, чтобы познать, что Онъ есть...

— ...Васъ, можетъ быть, удивляетъ мое скорое обращеніе? Но... но я самъ уже понималъ, что въ дѣлѣ устроенія человѣческаго счастья мысль — банкротъ. Она только выдумывала желѣзные дороги и пароходы, телефоны и телеграфы, открывала ненужныя планеты, хотѣла даже найти способъ продлить человѣческую жизнь, но счастья не давала. Счастья не давала! — повторилъ съ раздраженіемъ профессоръ, будто кто опровергалъ его въ этомъ. — Не давала счастья! Я служитель до послѣдняго момента этой мысли и я говорю вамъ, какъ практикъ: мысль и счастье — двѣ независимыя, почти противоположныя величины. Я согласенъ съ вами, что человѣкъ мысли живетъ призраками. Онъ *вѣритъ* въ идеалы! Вѣритъ потому, что если ужъ и счастья не имѣтъ и не вѣритъ, — это ужасно, это смерть... Человѣкъ мысли *вѣритъ*. Вѣритъ, что идеаль — что-то вели-

кое и прекрасное... Только не знаетъ онъ, что жизнь *претитъ* отъ этихъ идеаловъ. Не знаетъ онъ, что этотъ идеаль только въ теоріи хорошъ, а на практикѣ онъ никакъ не проходитъ въ жизнь. Сдѣлайте логическій выводъ отсюда и получите: жизнь—сама по себѣ, идеаль, мысль—сами по себѣ. Между ними нѣтъ общаго. Слѣдовательно, эти призраки мысли нужно оставить, нужно покопаться въ дѣйствительности, въ жизни—тамъ найти нужнаго и выполняемаго для человѣчества. Необходимо помнить, что человѣческая мысль идетъ въ одномъ направленіи, а жизнь—въ другомъ, независимомъ. Я самъ испыталъ это. Я думалъ одно, а все мое существо хотѣло и искало другого. Меня здѣсь зовутъ профессоромъ. Да, я былъ имъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ это было. Былъ профессоромъ чистой математики. И не смотря на чистую математику, меня въ концѣ концовъ жизнь такъ приперла, что я принужденъ былъ сознаться въ своемъ полномъ безсиліи совладать съ жизнью... Я уѣхалъ сюда, въ глушь, и здѣсь старался найти то, что мнѣ было нужно... И вотъ — нашелъ...

Утренняя зоря горѣла на небѣ, когда о. Георгій уходилъ отъ профессора. Старый профессоръ провожалъ его до самаго дома...

IX.

Одною изъ важнѣйшихъ сторонъ своего служенія о. Георгій считалъ проповѣдничество. Когда онъ былъ еще семинаристомъ, будущее пастырское слу-

женіе представлялось ему въ такомъ видѣ: онъ—на высококомъ амвонѣ, около котораго толпятся люди. У всѣхъ на лицахъ написано исканье, безсилье, страданье, и всѣ протягиваютъ къ нему руки: помощи! И онъ стоитъ, стоитъ дни и ночи, и кротко говоритъ бѣднымъ людямъ о счастьѣ...

Крестьянамъ нравились проповѣди о. Георгія. Батюшка самъ замѣчалъ, что, при выходѣ его на амвонъ для проповѣдыванія, какъ-то особенно быстро и благоговѣйно умолкалъ стоявшій въ церкви легкій шумъ. Всѣ слушали напряженно, и только иногда въ толпѣ прорывался сдерживаемый умиленный вздохъ:

— Охъ, Господи!..

Послѣ пожара на татарскихъ плантаціяхъ интересъ къ проповѣди значительно увеличился. О. Георгій часто видѣлъ въ своей церкви крестьянъ изъ другихъ хуторовъ, изъ другихъ приходоѡвъ. Разъ, подь воскресеньє, послѣ всенощной, къ нему подошелъ незнакомый мужикъ, прилично одѣтый.

— Батюшка!—обратился онъ къ о. Георгію,—позвольте васъ спросить: будетъ завтра проповѣдь у васъ иль нѣтъ? А то мамаша наша сильно охотилась послушать вашего слова... А она старая, только до своей церкви добирается. А сюда бы мы ее ночью предоставили потихоньку...

— А вы откуда?

— Съ Подпѣшенскаго хутора мы. Двадцать верстъ отсюда. Отца Николая мы прихожане...

— Буду, буду говорить. Пріѣзжайте!..

Церковь была небольшая и не всѣ желавшіє по-

слушать батюшку помѣщались въ ней. О. Георгій началъ устраивать вечерами у себя въ домѣ бесѣды. Приходило на бесѣды много народа. Всѣ замѣтно старались не шумѣть и вести себя какъ можно прилично. Словно всѣ понимали, что батюшка этими бесѣдами дѣлаетъ для нихъ слишкомъ многое. Они совѣстились немного, проникались глубокою благодарностью, и было ясно, что, скажи батюшка слово, и всѣ пойдутъ, куда онъ хочетъ, и сдѣлаютъ, что онъ пожелаетъ.

Послѣ бесѣдъ о. Георгій сильно утомлялся. Матушка замѣчала это и просила о. Георгія давать себѣ небольшой отдыхъ. Батюшка ласково улыбался и обычно отвѣчалъ:

— Знаю, что много работать приходится. Да нужно работать, нужно говорить... Все надо рассказать. Они вѣдь ничего не знаютъ, а кто расскажетъ имъ?..

Х.

Кончалось лѣто. На хуторѣ уже сходили „на воду“ и набрали изъ подъ креста святой воды, освятили яблоки на Преображенъе, разговѣлись на день Успенья. Въ воздухѣ пахло холодкомъ, листья безъ причины осыпались на землю, по утрамъ вода въ хуторской рѣчкѣ была холодная и темноватая, словно съ тонами недалекой осени. Дали были широкія, просторныя, какъ весною. На хуторѣ уродилось много плодовъ: ихъ собирали на садахъ въ золотистыя кучи и потомъ отвозили на станцію. На гумнахъ слышались удары цѣповъ и пахло свѣжею соломой...

Въ одинъ изъ влажныхъ августовскихъ вечеровъ о. Георгій гулялъ съ матушкою около своего дома. Въ послѣднее время имъ рѣдко приходилось оставаться однимъ: очень часто бывалъ „профессоръ“, заходилъ Измаиль, рѣшившійся принять христіанство, являлись по различнымъ дѣламъ крестьяне. И все нужно было говорить, говорить, говорить отъ утра до вечера, и часто въ головѣ мелькала какая-нибудь новая мысль и о. Георгій не успѣвалъ дѣлиться ею съ женой... Такъ и теперь у о. Георгія была какая-то новая мысль. Онъ ходилъ задумчивый и матушка видѣла, что у него есть на душѣ что-то особенное. Но она не спрашивала его, потому что знала, что онъ ничего не скрываетъ отъ нея.

И, дѣйствительно, когда они сѣли отдохнуть на скамейкѣ, около воротъ, о. Георгій сказалъ:

— Нина!

— Что? — отозвалась матушка.

— Знаешь, что прекрасное — коротко?.. Знаешь, что свѣча, если огонь на ней великъ, горитъ скоро?

— Знаю.

— И понимаешь, къ чему я говорю?.. Нужно быть готовымъ ко всему, Ниночка!

— Мы уже говорили съ тобою объ этомъ. Измѣнять не нужно!

— Спасибо, милая... Эхъ, Нина, Нина, цѣны ты себѣ не знаешь!..

И невѣдомая нѣжность объяла обоихъ. Словно проснулася далекая молодая любовь, которая была тамъ, вдали, на золотистыхъ песчаныхъ горахъ, лѣт-

ними тихими вечерами. И потянуло къ той далекой порѣ. Матушка вспоминала Липиги, старую мельницу, брата, сестру, бѣлый монастырь на горахъ... Счастливая пора! Пора молодости, первыхъ порывовъ, вдохновенья... Теперь идетъ сама жизнь — суровая, великая. Они уже не новички въ ней. Они уже горять. И знаютъ они, что всякому горѣнью бываетъ конецъ: чѣмъ больше огонь, тѣмъ скорѣе конецъ... Ну что же: они не свернутъ съ дороги!..

XI.

О. Георгій никогда не требовалъ платы за требы. И крестьяне сами совѣстились давать что-нибудь въ руки самого батюшки. Въ ихъ глазахъ батюшка былъ выше этой платы. За него, еслибы это было нужно, они отдали бы свою жизнь... Но они платили своему батюшкѣ, платили хлѣбомъ, овощами, холстиною, принося все это на батюшкинъ дворъ. Обычно выходила къ нимъ матушка и конфузилась:

— Милые! Зачѣмъ такъ много!..

— Сама ты у насъ милая, матушка! Сдѣлай милость, прими за *его* и свои труды!..

Крестьяне не придерживались строго порядка „давать“ за каждую потребу. Требы шли сами собою, плата — сама собой. И въ глазахъ крестьянъ таинства, молебны, панихиды не оскорблялись соединеніемъ съ ними извѣстной платы...

— Винограду-то въ этомъ году не уродилъ Господь. Пожалуй, больше двухъ пудовъ не соберешь. Тогда надо полпудика хорошенькаго отобрать

батюшкѣ съ матушкой! — говорилъ въ концѣ лѣта обладатель единственнаго на хуторѣ маленькаго винограднаго сада Денисъ Куринъ...

— Старуха! Порѣшилъ я царьградскія теренинки батюшкѣ оставить. Нонче они очень хороши, — заявлялъ своей женѣ садоводъ Никита Пьяновъ.

— Да холстинки надо имъ сготовить почище, — прибавляла старуха.

Однажды на сходѣ нѣсколькими человѣками былъ поднятъ вопросъ:

— Братцы! Нашему батюшкѣ слѣдовало бы садикъ устроить. Чтобъ лѣтомъ отдыхать. Флигелекъ тамъ ему поставить. А то въ домѣ лѣтомъ душно... Право, братцы, слѣдуетъ...

И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, согласились устроить „обществомъ“ батюшкѣ садъ и флигель.

Деньги совѣстились отдавать прямо въ руки батюшкѣ и матушкѣ, а отдавали въ правленіе казначею, подъ росписку, и тотъ уже передавалъ батюшкѣ. Батюшка былъ святой „душевный“ чловѣкъ, и его берегли, и пользовались имъ только „для души“.

„Доходъ“ былъ прекрасный. О. Георгій получалъ гораздо болѣе, чѣмъ ему нужно было для поддержанія себя и жены. И весь излишекъ онъ отдавалъ бѣднымъ крестьянамъ. Отдавалъ потихоньку, чтобъ никто не зналъ. Но сами бѣдняки не сдерживали своего обѣщанія молчать и рассказывали всѣмъ про щедрость батюшки. И это еще болѣе подымало о. Георгія въ глазахъ хуторянъ.

О. Георгій бывалъ въ домахъ своихъ прихожанъ часто. Зайдетъ, благословить всѣхъ, поцѣлуетъ маленькихъ, спроситъ о житьѣ-бытьѣ и уйдетъ. Послѣ его ухода въ крестьянской семьѣ долго стояла какая-то необычная, милая, ласковая, святая атмосфера...

— А у насъ, Софроньевна, батюшка сегодня былъ!—сообщала кума Настасья кумѣ Маланьѣ.

— Да и у меня былъ, болѣзная! — отзывалась та. — Приходить, а у меня содомъ: не подметено, ребятишки орутъ. Думаю — срамъ какой! А онъ, какъ Ангелъ Небесный: приласкалъ всѣхъ, благословилъ, спросилъ, куда мужикъ поѣхалъ. Потомъ ушелъ, а у меня, вѣришь-ли, въ душѣ словно Свѣтлое Христово Воскресеніе. Право слово!

— Правильный батюшка! — умиленно вздыхала кума Настасья.

— У меня батюшка сегодня чашечку чаю выпилъ, — рассказывалъ предъ вечерней, въ караулкѣ, старый дѣдъ Емельянычъ, живущій всегда на своей пасѣкѣ, у околицы. Выходитъ ко мнѣ, а я какъ разъ съ самоваромъ расположился. Ну и присѣлъ. Говорилъ онъ, какъ за границую пчель водятъ. Чудно водятъ. Не по нашему! Книжечку мнѣ принеси. Занимательная книжка! Совѣтывалъ, чтобъ я, значить, самъ книжку себѣ досталъ изъ города. И достану! Потому — очень занимательная...

Ночи наступали холодныя, сырыя. Однажды о. Георгію пришлось въ полночь идти напутствовать больную. Возвратясь домой, онъ заболѣлъ. Болѣла

голова, тошнило. На другой день, вечеромъ, къ нему пришли два крестьянина и передали отъ имени хуторскаго схода:

— Береги себя, батюшка! Если лошадку надо, мы справимъ. Ты не сомнѣвайся: справимъ обязательно. Только поберегай себя!..

ХII.

О. Георгій поправлялся плохо. Профессоръ ѣздилъ за докторомъ на станцію, но доктора тамъ въ это время не оказалось: онъ самъ уѣзжалъ куда-то лѣчиться. Въ хуторъ поѣхалъ земскій фельдшеръ. Онъ осмотрѣлъ больного, постучалъ молоточкомъ, съ сосредоточеннымъ серьезнымъ видомъ и сказалъ, что болѣзнь скоро пройдетъ.

— Застудили грудь вы, батюшка!—говорилъ онъ.

Но болѣзнь не проходила. О. Георгій особенно не страдалъ отъ нея, но чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ у него все меньше становится силъ. Какую-то легкость ощущалъ онъ въ своемъ тѣлѣ, но въ то-же время онъ съ трудомъ могъ поднять руку.

И странно: когда онъ заболѣлъ, ему вдругъ явилась мысль, что онъ слишкомъ мало дѣлаетъ на землѣ. Ему показалось, что Лебяжіи хуторъ—такой маленькій-маленькій, что работать только въ немъ это значить почти совсѣмъ не работать. Его тянуло вдаль, на просторъ. Хотѣлось пойти по всей землѣ, не разбирая приходоу, епархій...

И ему хотѣлось встать скорѣе съ постели и начать это свое новое вселенское дѣло. Но эти порывы

только ослабляли его и, послѣ нихъ, онъ обычно лежалъ блѣдный, какъ воскъ.

Каждый день приходилъ профессоръ и долго просиживалъ около постели больного. Заходили крестьяне, печальные, серьезные. Бабъ они не впускали въ комнату. „Еще взвоютъ, какъ увидятъ батюшку“, — опасались они.

А на дворѣ въ это время стояла та чудесная пора, когда не разберешь, осень ли это или же весна? Деревья стояли голыя, еще не разбукшія и не потемнѣвшія отъ осеннихъ дождей, разстилались зеленые коврики маленькой травы, по дорогамъ тянулись огромныя лужи воды. И воздухъ былъ свѣжій, чистый... Хотѣлось думать, что это наступаетъ прекрасная, милая весна. Только низко стоявшее въ полдни солнце говорило о другомъ, да въ зеленой муравѣ не было яркихъ цвѣтовъ. И небо было уже не весеннее: облачное, съ свинцовыми тонами...

Профессора сильно беспокоилъ полный упадокъ силъ у о. Георгія. Онъ догадывался, что этотъ упадокъ не отъ болѣзни, а отъ общаго страшнаго напряженія. И онъ не зналъ, что ему дѣлать... Онъ уже во второй разъ ѣздилъ на станцію, но доктора тамъ все еще не было. Тогда онъ послалъ телеграмму въ губернской городъ своему товарищу, доктору, прося его немедленно пріѣхать. Товарищъ отвѣтилъ, что сейчасъ онъ не можетъ пріѣхать, а пріѣдетъ черезъ два дня.

О. Георгій похудѣлъ сильно. Черты лица заострились и были мертвенно блѣдны. Матушка ухаживала

за нимъ, серьезная и полная ласки. Только въ своей комнатѣ, когда никого не было, она становилась предъ иконой на колѣни и, глубоко тоскуя, рыдала:

— Неужели конецъ?.. Боже, такъ скоро? А я думала, свѣчи горять дольше... Боже, поддержи его!.. Божья Матерь, Ты видишь меня, Ты понимаешь меня: поддержи его!..

На двѣнадцатый день болѣзни, ночью, пріѣхалъ изъ города докторъ. Онъ выслалъ всѣхъ изъ комнаты и, раздѣвъ больного, осмотрѣлъ его. И потомъ, вымывъ руки, пошелъ пить чай. Лицо его было добродушное, смѣющееся и, взглянувъ на него, можно было съ увѣренностью сказать, что больной выздоровѣетъ.

Однако, послѣ чая, оставшись вдвоемъ съ профессоромъ, онъ сказалъ:

— Ну, Мишенька, твоему батюшкѣ—конецъ!

— Правда? — дрогнувшимъ голосомъ переспросилъ профессоръ.

— Такъ же правда, какъ правда то, что я тебя вижу.

— Можетъ быть, можно помочь? А?.. Можетъ быть, еще кого-нибудь выписать? Консиліумъ составить?

— Не нужно. Ему жить дня два-три.

— Что же у него?

— Ужасное переутомленіе. Всѣ функции останавливаются. Какъ мужики говорятъ — надрывъ. Надорвался! Съ чего это онъ?

— Ахъ, Саша, Саша!.. Если бы ты зналъ, что

это за человѣкъ! Кого я теряю! — и профессоръ бессильно опустился въ кресло.

Утромъ о. Георгій просилъ читать ему евангеліе. Читала матушка, читалъ профессоръ. Батюшка лежалъ и слушалъ, и на лицѣ его было тихое, ясное выраженіе. Заходили крестьяне, но профессоръ не пустилъ ихъ, боясь обезпокоить больного. Они уходили и думали, что батюшкѣ, навѣрно, хуже. И цѣлый день, и ночь, и потомъ опять день они бродили кучками по церковной плбщади, посматривая на батюшкинъ домикъ...

А къ вечеру второго дня къ нимъ выбѣжалъ сторожъ Власичъ и, крикливо, по стариковски рыдая, объявилъ, что батюшка умеръ.

XIII.

Все было попрежнему: домъ батюшки, закрытый осенними вербами, маленькая хуторская площадь, церковь. Самый хуторъ стоялъ такой же, какъ всегда: мирный, позабытый. И необычно было во внѣшней сторонѣ только то, что вчера, поздно вечеромъ, на колокольнѣ долго и протяжно звонили. Да всю ночь по селу горѣли огни, какъ на Пасху, и слышались шумъ и крики...

Умеръ батюшка.

Онъ лежалъ теперь въ залѣ своего домика, укрытый священными ризами. Около горѣли большіе подсвѣчники и пахло ладономъ. Въ окна смотрѣлась осень — тихая, туманная, грустная. И казалось, все соединилось вокругъ гроба для выраженія

печали. Крестьяне входили въ залу, протискивались къ гробу и стояли здѣсь, беспомощно смотря на священныя одежды, покрывавшія батюшку. Казалось, смерть застала ихъ врасплохъ и они были глубоко, какъ дѣти, поражены и обижены ею. Бабы горько плакали. Плакали о добромъ батюшкѣ и особенно о горькой участи матушки. Сама матушка плакала рѣдко, но было видно, что она сдерживаетъ себя. Было видно, что дай она волю своему горю и вся она изойдетъ слезами... Профессоръ днемъ уходилъ куда-то въ степь, а вечеромъ входилъ въ залу — темный, какъ туча, садился около гроба и просиживалъ такъ всю ночь.

На другой день послѣ смерти о. Георгія, крестьяне собрали сходъ. Говорили о томъ, какъ хоронить батюшку. И было рѣшено, что выборные поѣдутъ по всѣмъ окрестнымъ приходамъ и приглашать отовсюду священниковъ и діаконовъ. Рѣшили за платой не стоять, сколько спросятъ — столько и платить.

— Потому *одинъ* онъ у насъ былъ!..

На похороны о. Георгія выпалъ славный денекъ. Слегка подморозило, грязи не было совсѣмъ, и солнце свѣтило ярко и весело. Пахло зимою.

Священниковъ собралось пять человекъ, дьяконъ былъ одинъ. Пѣли семь псаломщиковъ, пѣли старческими, хриповатыми голосами и старались произвести на присутствующихъ впечатлѣніе настоящаго хора.

Вынесли о. Георгія къ обѣднѣ. Обѣдню служили

всѣ пять батюшекъ и дьяконъ. Крестьянъ было очень много, они не помѣщались всѣ въ церкви и стояли еще въ оградѣ и за оградой—на площади.

Какая это хорошая служба—обѣдня! Помните эти великіе „страстные“ выходы, это глубокое богоговѣнное преклоненіе предъ Великимъ Богомъ, обитающимъ въ небесахъ — „достойно и праведно“, это чудесное неземное мгновение—Твоя отъ Твоихъ“. Сколько прекрасныхъ святыхъ минутъ!.. Онѣ отрываютъ, хотя на мгновенье, отъ нашей бѣдной скорбной жизни и представляютъ очамъ иную жизнь, полную любви, чудесъ, счастья...

Послѣ обѣдни и отпѣванья понесли гробъ къ могилѣ. Могила была выкопана въ оградѣ. Промерзшая черная земля лежала кучею около ямы. На нее поставили гробъ, наглухо забитый крышкою... Было грустно, тоскливо. Хотѣлось плакать.

Къ гробу близко подошелъ профессоръ. Онъ сильно измѣнился за эти дни: глаза были какіе то странные, дикіе, лицо осунулось. Онъ сталъ около самага гроба и тихо началъ:

— Я не вѣрю своимъ глазамъ, друзья, что нашъ батюшка умеръ. Это—не слова, я говорю искренно: я не вѣрю своимъ глазамъ. Пройдутъ минуты и онъ скроется на вѣкъ подъ землю. Понимаете, друзья: милая, добрая улыбка, святой взоръ, материнское сердце—все скроется подъ землю. Сироты мы! Слышите: сироты! Всѣ, всѣ до одного *сироты*... Друзья, я тоскую... Что мы будемъ дѣлать теперь? Придетъ сегодняшній вечеръ, а его не будетъ. Завтрашній

день настанетъ, пройдетъ цѣлая недѣля, кончится годъ, а его не будетъ! Никогда, никогда не будетъ! И пасха будетъ у насъ, а его не будетъ. Не будетъ у насъ той службы, что служилъ онъ на страстной, на Пасхѣ. Помните? Ничего не будетъ у насъ!

Профессоръ зарыдалъ. Кто-то заголосилъ въ толпѣ. Было невыносимо тяжело на душѣ.

— Что же ты покинулъ насъ, родной батюшка!.. продолжалъ, оправившись профессоръ.— При жизни ты говорилъ про свѣтильники, что горятъ высоко на горахъ и свѣтятъ всѣмъ... Что жъ, значитъ догорѣло масло? Видно, догорѣло. Ты былъ святой, не экономилъ силы, ну и догорѣла свѣтильня... И умеръ ты!..

— Прекрасное—коротко. А ты былъ воплощеніемъ прекраснаго! Ты пришелъ сюда, въ маленькій хуторокъ, а тебѣ бы—съ твоею душою—на высокій, высокій пьедесталъ, чтобъ вся земля согрѣлась подъ твоей лаской! Ты провозвѣстникъ Христовой любви, той любви, что не знаетъ преградъ. Идите сюда, преступники, неудачники, извѣрившіеся, идите, счастливые: всѣхъ одинаково, безъ разбора, покроетъ васъ здѣсь любовь. Вѣрьте: не будете вы преступниками, неудачниками, больными—всѣхъ исцѣлитъ своей лаской эта любовь!..

— Твоя любовь—царственна. Она не унижается не оскорбляется, не примѣняется. Она идетъ прямо, гордо, какъ царь, какъ чудо. И все передъ ней на колѣни—въ порывѣ благоговѣнія и счастья... Твоя любовь — счастье...

— Если бы пришлось мнѣ живописать твой образъ,—ни одной темной черты не вышло бы изъ подъ моей кисти. И сказали бы люди: ты сочинилъ свой образъ, *такого* не бываетъ въ жизни!.. Люди-братья: вѣренъ мой образъ! И вѣренъ потому, что въ этомъ человѣкѣ была любовь.

— Ты—прекрасень... И какъ прекрасному, тебѣ открылся Богъ. Ты позналъ Его, ты прикоснулся къ Нему своею довѣрчивою дѣтскою душою. Я вѣрю, вѣрю глубоко, что будутъ еще на землѣ такіе люди и, будетъ Богъ ясенъ для всѣхъ. Только святые знаютъ Бога, только они говорятъ о Немъ и—прекрасна и свята бываетъ эта рѣчь ихъ.

— Умомъ своимъ ты прошелъ глубь неба и мракъ земли, и таинственность человѣческой души. И, познавъ все, отказался отъ ума... Это было полно мужества и, въ то же время, это было наивно. Да, наивно. Но наивно, какъ наивно всегда чистое золотое сердце, наивно, какъ всякая *правда*. Наивно для насъ, привыкшихъ къ безконечной воллокитѣ всякихъ умствованій, привыкшихъ думать, что правда—нѣчто сложное, высокое, которое не сразу пойметъ человѣческій умъ. По нашему *правда*—отвлеченное понятіе. А твой Учитель сказалъ ясно: „Я—путь, истина, жизнь“... Вѣрую, что это воистину такъ. Вѣрую, Господи! Вѣрую, что *правда*—въ Тѣлѣ и Крови Твоей, что каждый день, въ утренній часъ, предстоитъ на Святомъ Престолѣ. Вѣрую, что правда—въ людяхъ, полныхъ любви и подвига. Вѣрую, что правда—въ горахъ и рѣкахъ, моряхъ и

звѣздахъ, во всей природѣ! Только одинъ человѣкъ выдумалъ свою правду, сочиненную умомъ. И оттого — несчастливъ, какъ никто въ мірѣ...

— Ты — наивенъ. И если бы тебѣ представить то, что сдѣлалъ ты въ нашемъ хуторѣ, ты отшатнулся бы, убоявшись... „Я не сдѣлалъ этого!“ — сказалъ бы ты. И въ своей золотой дѣтской наивности ты — сдѣлалъ все!

— Пришелъ ты сюда, и скоро сталъ неузнаваемъ нашъ заброшенный уголокъ. Не хаты новыя выстроились, не хлѣба обильно не уродилось. И хаты остались дырявыя, и хлѣбъ попрежнему уродился мякинный... Потому что на душѣ потеплѣло. Потому что у насъ были ты!

— Братцы! Запомните же, лучше запомните образъ нашего батюшки. Запомните, потому что такіе, какъ онъ, только разъ являются міру! Запомните, какъ онъ вечерами бесѣдовалъ съ вами въ своемъ домѣ, какъ говорилъ съ амвона, какъ посѣщалъ ваши дома, словно свѣтлый ангелъ. Помните, какъ идетъ онъ обычно въ церковь? Изъ моего дома это всегда видно. Идетъ — большой, солидный, съ посохомъ въ рукахъ. Только лицо отъ постоянного напряженія блѣдное-блѣдное. Крикнешь ему изъ окна: добрый день! А онъ глаза подниметъ — тихіе, дѣтскіе глаза и низко поклонится.

— Горе, горе наше великое... О. Георгій! Милый! Что съ вами?.. Я не вѣрю, не вѣрю своимъ глазамъ. Помните, вы говорили: откроемъ школу, будемъ учить ребятъ. Что жъ, школу открыли, а вы ушли. Отецъ Георгій... Батюшка...

Профессоръ опять разрыдался. Всѣ плакали...

А кругомъ стоялъ такой хорошій ясный день. Небо было чистое, прозрачно-голубое. На голыхъ вербахъ чирикали воробьи, беззаботно перескакивая съ вѣтки на вѣтку.

Только у выкопанной могилы было тяжело-тяжело, какъ въ самую ненастную осеннюю ночь.

...Вечеромъ на могилѣ былъ поставленъ массивный бронзовый крестъ. На немъ съ одной стороны были выбиты имя, дни рожденья и смерти почившаго, а съ другой—помѣщена выдержка изъ поэта:

— И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна.
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли...

ЭПИЛОГЪ.

Послѣ смерти о. Георгія Нина Константиновна пожертвовала свое имущество крестьянскому сходу— на устройство ремесленной школы въ хуторѣ, а сама уѣхала въ монастырь. Тамъ она прожила годъ бѣлицею, а потомъ постриглась въ монахини. Монастырь былъ степной и бѣдный. Маленькую церковь и низенькій корпусъ келлій окружала простая деревянная огорожа. Изъ-за огорожи всегда смотрѣла на монастырь синяя степь— безбрежная, туманная, одинокая, какъ давно-давно прошедшая жизнь. Дни проходили здѣсь однообразно, незамѣтно. По утрамъ и вечерамъ звонилъ колоколь. Сестры приходили въ церковь и становились по сторонамъ, около стѣнъ.

Вблизи монастыря не было селеній, и обычно въ церкви стояли только сестры. Служба была строгая, монастырская и какъ разъ подходила къ тоскующей, мятущейся душѣ: только на ней, на ея строгихъ суровыхъ моментахъ отдыхала молодая тоскующая душа. Какъ тихо было въ церкви! Впереди, у иконъ, мерцали свѣчки, за иконостасомъ, въ алтарѣ, слышалось звяканье кадила, въ самой церкви ровнымъ, негромкимъ голосомъ читала священныя молитвы очередная чтица, и около стѣнъ, какъ темныя тѣни, стояли молчаливо и сосредоточенно монахини. Въ церкви всегда стоялъ какой то полумракъ и всегда была особая строгая молитвенная атмосфера.

Въ кельяхъ сестры занимались работою: вышивали золотомъ и гладью. Монастырь славился своими вышивками и сбывалъ ихъ пріѣзжавшимъ изъ города купцамъ. Настоятельница была строгая женщина, и кто хотѣлъ жить въ монастырѣ, долженъ былъ трудиться отъ утра до ночи.

Нина Константиновна чувствовала себя хорошо. Монастырь утишилъ ея боль, какъ утишаетъ холодная вода раскаленное желѣзо. Послѣ страстно напряженныхъ дней она вдругъ очутилась въ какомъ то безконечно тихомъ кругу. Эта тишина была нужна ей: она ласкала, баюкала, цѣлила ея изстрадавшееся сердце. Нина Константиновна не думала оставаться здѣсь—въ тиши—навсегда. Она полагала, что пройдетъ время и она отдохнетъ, и опять у нея будутъ силы, и снова она пойдетъ къ людямъ служить имъ. Какъ служить—она еще не рѣшила, но

полагала, что это не важно, а важно желаніе работать какъ бы то ни было.

Она часто вспоминала прошлую жизнь. И хотя эти воспоминанія бередили ея душевную рану, она любила ихъ. Ей часто вспоминались Липиги — въ густой чащѣ ольхъ и березъ, вспоминалась старая наклонившаяся на бокъ мельница, лѣтніе вечера на песчаныхъ горахъ. Вспоминался Лебяжій хуторъ, свой домикъ, церковь, вербы. И при этомъ память всегда прикасалась къ *нему*; и въ лѣсистыхъ Липигахъ, и на мельницѣ, и особенно на хуторѣ. И отъ этого всегда билось сердце и было грустно-грустно.

...Черезъ два года послѣ постриженія ея въ монахини къ ней, въ монастырь, зашли богомолки изъ Лебяжьяго хутора. Уже лѣто было на исходѣ, листья желтѣли и осыпались, каждый день высоко на небѣ видны были треугольники улетающихъ журавлей. Бабы были усталыя, истомленные.

— Къ тебѣ, матушка, къ тебѣ, родимая, пришли. Навѣстить тебя. Да какая же ты стала худая да блѣдная. Ой, болѣзная, строго, знать, жить приходится въ монастырѣ?.. А мы вотъ пятеро бабъ надумали къ тебѣ сходить, какъ съ полемъ управимся. Посмотрѣть то на тебя, болѣзная: что ты, Ангель нашъ? Мужики въ прошломъ годѣ еще провожали: сходите вы къ матушкѣ! И пошли бы еще тогда, да Оекла Некорова заболѣла, компанію, значить, разрушила. Кланялись тебѣ, матушка, мужики наши. Говорили: въ ноги ей поклонитесь. И послали тебѣ отъ своихъ трудовъ: виноградцу, теренку, яб-

лочковъ. Да еще нарвали мы у о. Егорія на могилкѣ травы — тебѣ принесли. Хорошая у него, у батюшки, могилка то! Крестъ большой, сурьезный. Стоитъ — не тронется, только отъ погоды потемнѣлъ немного. Мужики рѣшили каждый мѣсяцъ — въ день преставленья его — панихидку служить. На томъ разговоръ составили. Профессоръ уѣхалъ отъ насъ. Домъ, стало быть, подъ вилетеку отдалъ и книжекъ выписалъ — страсть какъ много, а самъ уѣхалъ. Въ прошломъ годѣ пріѣзжалъ, жилъ съ недѣлю, а потомъ опять уѣхалъ. Постарѣлъ онъ сильно. Какъ пріѣзжалъ онъ, въ церковь кажинный день ходилъ — и утромъ и вечеромъ. Могилку батюшкину отпечаталъ. Инструментъ у него такой былъ. Потомъ показывалъ нашимъ мужикамъ, говорили, что очень похоже, словно портретъ. Гдѣ онъ проживаетъ теперь — не знаемъ. Говорили, будто онъ кому то рассказываетъ, что книжку пишетъ. А правда ли это — неизвѣстно. Измаиль vykрестился. Новый батюшка, о. Илларіонъ, его крестилъ. Теперь его зовутъ Егоромъ. Стало быть самъ пожелалъ, чтобъ звали его какъ покойнаго батюшку. И сдѣлалъ онъ, какъ vykрестился, приношеніе въ церковь: евангеліе новое, все такъ и горитъ, сказываютъ — золотое. Школа у насъ большая. Профессоръ такъ значитъ устроилъ, чтобъ и большимъ мужикамъ туда можно ходить. Всѣ ходятъ теперь. Мой мужикъ тоже ходитъ. Теперь грамотѣ обучился и книжки читаетъ. Любопытственныя книжки: слушаешь, какъ онъ читаетъ, и будто ужъ ты не на хуторѣ, а въ не-

5 оф.

вѣдомой землѣ, что въ книжкѣ описана. Правое слово!..

— А что жъ—ваши мужики всѣ живы?—спросила матушка.

— Чего имъ дѣлается: живутъ! Только ребята мрутъ: кашель на нихъ здоровенный и сыпь какая то. Хвершала у насъ нѣту, прохфессоръ обѣщался прислать знающаго человѣка, да до сихъ поръ не шлетъ. Ребятишки и мрутъ. У меня на томъ мѣсяцѣ померъ Ванятка.

Баба всхлипнула.

— Какъ же это такъ? Надо помочь. Погодите, я можетъ быть придумаю,—и матушка задумалась.— Что-нибудь надо придумать,—повторяла она.

Богомолки ушли на другой день. Послѣ ихъ ухода, Нина Константиновна отправилась къ игуменьѣ. Между ними произошелъ такой разговоръ:

— Я, матушка, думаю выучиться медицинѣ, а потомъ идти на свой хуторъ лѣчить. Вчера мнѣ рассказывали, что тамъ дѣти мрутъ сильно. Надо помочь.

— Вы подумали надъ этимъ хорошо? — ласково спросила игуменья.

— Хорошо.

— Пусть благословить васъ Богъ на это, а я благословляю! Я знала, что вы у насъ гостя — до поры, до времени. Такія не успокаиваются!

не вѣд - 2291

Р. П. Кумовъ.

Редакторъ Священникъ П. А. Миртовъ.

Разрѣшено Протоіереемъ Философомъ Орнатскимъ.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.